

Усадебный колорит в «мистических» рассказах С.Р.Минцлова (На материале цикла «Мистические вечера»)

Наталья Тамарович (Рига)

С.Минцлов – признанный в эмиграции писатель, автор, чьи произведения, по словам одного из его издателей, «всегда имели тираж», – успел найти свою читательскую аудиторию еще в дореволюционной России. Оказавшись в Риге в середине 20-ых гг., С.Минцлов републикует и создает новые произведения, которые тематически продолжают предшествующие рижскому периоду публикации¹. В это время особой активностью отмечаются выступления С.Минцлова в рижской периодической печати (в газетах «Сегодня», «Слово», в литературно-художественном журнале «Перезвоны» и других). На страницах упомянутых изданий С.Минцлов публикует, в том числе, серию «мистических» рассказов, которые ранее (или позднее) составят отдельные сборники («Мистические вечера», «Чернокнижник» (1928), отчасти «Святые озера» (1927) и «У камелька» (1930)).

Увлечение мистикой – прерогатива не только С.Минцлова. В 20-30-ые гг. в рижских периодических изданиях репрезентируется значительное число «мистически окрашенных» публикаций, основу которых зачастую составляют народные предания и легенды. Особой популярностью пользуются легенды, приуроченные к древним замкам, также заметки о русской «нечисти», ведьмах, оборотнях, привидениях. Наиболее активные исполнители подобных «сюжетов» – Н.Тэффи, И.Бунин, Г.Иванов, И.Лукаш, А.Кондратьев, Нео-Сильвестр (Г.Гроссен), Н.Бережанский (Н.Козырев), Б.Шалфеев, автор целого ряда исследований в области русской демонологии А.Амфитеатров и другие. Помимо «практического» возрастает и теоретический интерес к всевозможным «разновидностям чертовщины» (Амфитеатров 1933: 4); устанавливается «мода» на литературу, посвященную толкованию снов, «мистике имен», «тайне черепов»², спиритизму, ясновидению и сумасшествию (С.Минцлов, М.Вайнтроп, В.Вреде, М.Первухин, А.Салтыков, А.Седых (Я.Цвибак) и другие). Подобного рода тексты вызывают повышенный интерес не только у читателей, но и у авторов публикаций, которые пытаются объяснить причины данного феномена³. Мистика становится «визитной карточкой» как произведений «усадебной» темы, так и всего творчества С.Минцлова в целом; она отражает одну из активных тенденций в эмиграционной литературе – развитие оккультной прозы⁴.

«Мистические вечера: Записки общества любителей осенней непогоды» (1930) – цикл рассказов (восьми «вечеров»), обладающий общностью тематической и сюжетно-композиционной структур. С.Минцлов прибегает к обычному для его произведений (в сюжетном плане) шаблону: в определенном социальном локусе (в усадьбе), но не ограниченном им, собираются члены небольшого кружка, которые проводят вечера в рассказах о «страшных», или мистических, случаях, свидетелями которых они явились (подобная сюжетная линия проводится в рассказах С.Минцлова «Лесной Боккачио» (1924), «Жемчуга» («Святые озера», 1927), «Осеннее» («Чернокнижник», 1928) и других). В основе этих «историй» – достаточно традиционные сюжеты, которые ведут свою генеалогию от романтической эпохи; в значительной степени в них отразилось и влияние русского фольклора⁵. Рассказчики в данном цикле, что немаловажно, собиратели старины. Мотив путешествия, являющийся важным сюжетным приемом в творчестве С.Минцлова в целом, объединяет «истории» рассказчиков. Этот факт апеллирует к биографии самого писателя: до

революции С.Минцлов совершает поездки по российским губерниям в поисках книг и старины (эти поездки составили основу его в свое время широко известной «библиофильской повести» «За мертвыми душами» (1925; 1991)); в Латвии С.Минцлов посещает усадьбы в Латгалии (очерки, посвященные этой поездке, появляются в газете «Сегодня» в 1927 г.). Помимо этого, в 20-30-ые гг. С.Минцлов принимает участие в Кружке Ревнителев Русской Старины И.Н.Заволоко. Кружок периодически предпринимает путешествия (зачастую пешеходные) по Латвии и Эстонии в поисках предметов старины. Данный факт, возможно, получает свое отражение в «Мистических вечерах». Павлищев, участник беседы «Вечера третьего и четвертого», замечает следующее: «Как вам известно, я большой любитель побродить по Руси наподобие странника, и вот раз меня занесло в Псковскую губернию, в часть, ближайшую к эстонцам; она очень живописна и богата памятниками старины» (Минцлов 1930: 30). Предположу, что деятельность Кружка И.Н.Заволоко послужила прототипической основой для образования данного цикла.

Отдельные «истории» «Мистических вечеров» можно отнести к комплексу текстов, которые условно делятся на два сюжетных цикла, усиленно пропагандируемых в рижской периодике, это – «рижские легенды» («Вечер седьмой») и легенды и предания, приуроченные к определенному локусу – замку («Вечер второй») (эта тема по своему объему и значительности превышает установленный регламент, поэтому в рамках данной статьи опускается).

В решении усадебной «темы» С.Минцлов традиционен: в повествовании реконструируются знаковые сигнатуры усадебного локуса, которые постулировались литературой предшествующей эпох. Усадебный локус, его реалии (интерьер, внешняя планировка, предметное наполнение дома, сады), репрезентируют усадебное пространство как место воспоминаний об ушедшем «Золотом веке». Атрибуты усадебной жизни воссоздаются по описаниям уездных балов и праздничных обедов, которые характеризуются типично русской масштабностью и грандиозностью: «Месяца два спустя произошло событие, о котором долго говорили в уезде: на Владимиров день – свои именины – Деревеницын созвал чуть не пол губернии, и после роскошного обеда вечером начался бал. Весь зал утопал в зелени; хозяин, оживленный и веселый, вперекачку ходил от одного гостя к другому, шутил и смотрел на танцы» (Минцлов 1930: 6). К этим мероприятиям приурочена гибель помещиков («Вечер первый», «Вечер пятый»). Антитезой праздничной и беззаботной жизни проходит мотив заброшенных, пустующих усадеб, который приобретает особое значение, а именно, затрагивает тему дворянской России и заката ее культуры.

В «Вечере втором» заявлен следующий знаковый мотив – мотив охоты. К охоте в сюжетном плане приурочены два рассказа цикла («Вечер второй» и «Вечер четвертый»). Охота, как известно, являлась одной из главных сезонных «забав» усадебной поместной жизни. Актуализация особого топоса – Полесья («Вечер второй») – в повествовании особенно значима: Полесье приобрело определенную знаковую очерченность в традиции русской литературы; это край, характеризующийся устоявшимся укладом, край легенд и загадок, наконец, это мир природного человека, незатронутого цивилизацией. Сюжет о ведьме, составивший основу «Вечера четвертого», коррелирует с «полесскими» текстами А.И.Куприна (повесть «Олеся» (1898)): «Варвара проводила нас до берез за школой и дальше не пошла. – Здесь, в дуплах, мои приятельницы живут! – сказала она. – А там – враги! – она кивнула на деревню и, поглядев с минуту нам вслед, отправилась обратно» (Минцлов 1930: 38).

Описание охоты у С.Минцлова лишено тех фенологических подробностей, которые сопровождают тексты И.Тургенева, И.Бунина, А.Куприна, в меньшей степени проживающего в Риге в 20-30-ые гг. Юрия Галича⁶. В «Мистических вечерах» мотив охоты служит своеобразным фоном возникновения «мистического». Добавлю, что «мистическая тема» у С.Минцлова нередко сопрягается с темой стихии. Мотив грозы, непогоды – некая сюжетная заданность, характерная для произведений писателя⁷. Пейзажные описания, таким образом, играют роль оркестровки основного «мистического» или усадебного мотива: «<...> я так увлекся удачной охотой, что возвращаться домой пришлось с опозданием; солнце уже окунулось в лес, в березнячке засумеречило, сделалось сыро; закат пятнал кровью деревья» (Минцлов 1930: 48).

Итак, усадебный локус в «Мистических вечерах» представлен фрагментарно; он, в большей степени, выступает как фон для развертывания событийного сюжета, хотя и обладает самостоятельными феноменологическими характеристиками. Автора в данном случае заинтересовал мистический «сюжет», а именно, литературная обработка преданий, поверий и легенд. Это подтверждается и тем, что нарратив, содержащий в себе элементы «страшного рассказа», приобретает самостоятельное значение.

Отличительная черта данных рассказов – «компактность» и относительная «простота» сюжета – создает благоприятные условия для их публикации на страницах периодических изданий. Для произведений подобного рода, по замечанию Л.В.Спроге, характерен особый композиционный эффект – актуализация образа повествователя, обуславливающего естественность и «правдоподобие» любой «истории» (см.: Спроге 2000). В то же время, герой-рассказчик, придает единство циклу, не позволяя ему «распаться». Типологически близкими рассказам цикла в этом ряду будут произведения Ю.Галича, И.Лукаша и других, которые появляются приблизительно в это же время. Вероятно, позднее автор объединяет рассматриваемые рассказы в единый цикл, предварительно (или параллельно с выходом книги) опубликовав их в газете «Сегодня»⁸.

Приблизительно в это же время появляются типологически близкие рассказам минцловского цикла произведения Ю.Галича, И.Лукаша и др.

Примечания

¹ Рижский период творчества С.Минцлова составил семь лет (1926-1933). С.Минцлов – автор нескольких десятков книг. Особенно популярны были его исторические романы, сборники «таинственных» рассказов, а также «усадебные» романы. С.Минцлов, помимо прочего, был страстным библиографом и библиофилом, археологом, историком, членом многочисленных научных обществ и организаций. Список его трудов и заслуг объемён, поэтому отсылаю, помимо упомянутого, к биографическим словарям и справочникам (См., например: Петровский, Минцлова, Воронцова 1999; Ракитянский 2003).

² Под такими названиями опубликованы очерки С.Минцлова в газете «Слово» в 1927 г. (Минцлов 1927а, Минцлов 1927б).

³ Так, А.Амфитеатров отметил: «В медвежьих углах России, славянских земель, Балтики, Литвы, Румынии, Венгрии, даже Германии, года не проходит без того, чтобы какое-нибудь крестьянское «опчество» не вскрыло могилы заподозренного вампира, дабы обезвредить «злого мертвеца», отрубив ему голову и проткнув его осиновым колом» (Амфитеатров 1931: 4). Причина

повального интереса к «неведомому», по мнению А.Амфитеатрова, коренится в пережитых «потрясениях»: в революции, в смене политических режимов, наконец, в русском эмигрантском рассеянии (Амфитеатров 1930: 4). В газете «Слово» в 1926 г. была помещена заметка о происшедшем в Режицком (Резекненском) уезде случае, когда крестьяне избили 60-летнюю старуху, приняв ее за ведьму, которая навела порчу на скот. Массовое увлечение «страшными», оккультными сюжетами С.Минцлов, в свою очередь, юмористически обыгрывает в рассказах «Оккультный способ» и «У треснувшей двери» (Минцлов 1929).

⁴ Сестра С.Минцлова, А.Р.Минцлова – известная теософка, одна из значительных деятельниц русского и международного оккультных движений; в восприятии современников ассоциировалась с Е.П.Блаватской. Ее влияние на себе испытали А.Белый, Вяч.Иванов, М.Кузмин, М.Волошин (об этом подробнее: Богомолов 1999). Любопытным фактом служит и то, что в Риге в 1910-20-ые гг. существовало Рижское Общество Психологических исследований, членом которого состоял известный спирит В.А.Вреде, автор книги «Руководение» (1927). В.А.Вреде, помимо публичных выступлений, сотрудничал с газетой «Слово», в которой поместил ряд очерков об оккультизме.

⁵ Это и появление мертвого жениха, колдовство, оборотничество, присутствие нечистой силы, которую «отпугивают» традиционные способы – закрепивание сакральных локусов, пение петуха и прочее. Сказочные мотивы и даже сюжеты («Вечер третий»), в свою очередь, прослеживаются на протяжении всего цикла. Ср., например: «Добрались мы, наконец, с барыней на самый то есть край света, к морю-океану, во Владивосток; вышли на станции на платформу и видим – бежит прямо к нам красавица какая-то статная, нарядная <...>» (Минцлов 1930: 26). Следует отметить и введение в повествование типичных для сказок троекратных повторов. Отмеченное (а именно, связь литературной «фантастики» с фольклором) является характерной особенностью «фантастической повести», к жанру которой генетически восходят рассматриваемые рассказы цикла (Измайлов 1973). Первоначальное название цикла С.Минцлова – «Фантастические вечера» (Адамович 1931).

⁶ Отсылаю к следующим произведениям Ю.Галича: очерк «Пинск» (Галич 1929б), лирическая поэма «Игнат из Забавки» (Галич 1927), рассказы и повести из сборника «Волчий смех» (Галич 1929а). В своих текстах Ю.Галич, как и С.Минцлов, следует традиционной поэтической символической; в них, так или иначе, варьируется тема заката усадебной жизни, шире – помещицкой России. Ярким примером ориентации С.Минцлова на классический, усадебный (прибавлю, тургеневский) «текст» может послужить его рассказ «Осеннее» («Чернокнижник», 1928), обнаруживающий сюжетные и тематические (ср. название) переклички с рассказами цикла «Мистические вечера».

⁷ Ср. подзаголовок, предпосланный к названию цикла: «Записки любителей осенней непогоды» <курсив мой. – Н.Т.>

⁸ О некоторой «недоработке» и «искусственности» образования цикла говорит и то, что два рассказа («Вечер шестой» и «Вечер седьмой») сюжетно «выпадают» из общего контекста.

Литература

Адамович Г. 1931. «Фантастические вечера» С.Минцлова. – Иллюстрированная Россия. № 17. С. 22.

- Амфитеатров А.В. 1930.** Сатанинские мессы и невероятные правды. – Сегодня. № 25. С. 4.
- Амфитеатров А.В. 1931.** Финляндские сатанисты. – Сегодня. № 301. С. 4.
- Амфитеатров А.В. 1933.** Сатанизм черный и белый. – Сегодня. № 306. С. 4.
- Богомолов Н.А. 2000.** Anna-Rudolph. – Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М. С. 21-110.
- Галич Ю. 1927.** Орхидея. Тропические рифмы. Рига.
- Галич Ю. 1929а.** Волчий смех. Рига.
- Галич Ю. 1929б.** Пинск. (Полесские впечатления). – Сегодня. № 26. С. 5.
- Измайлов Н.В. 1973.** Фантастическая повесть. – Русская повесть XIX века. Л. С. 134-169.
- Минцлов С.Р. 1927а.** Мистика имен. – Слово. № 491. С. 4.
- Минцлов С.Р. 1927б.** Тайна черепов. – Слово. № 498. С. 5.
- Минцлов С.Р. 1929.** Свистопуп. Рига.
- Минцлов С.Р. 1930.** Мистические вечера. Рига.
- Петровский Ю.А., Минцлова Е.А, Воронцова Г.Н. 1999.** Минцлов Сергей Рудольфович. – Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. М.-П. Т. 4. С.84-86.
- Ракитянский А. 2003.** Вспоминая С.Р.Минцлова. – Рижский библиофил. Рига. С. 25-29.
- Спроге Л.В. 2000.** Пушкинский миф Ивана Лукаша. – Пушкинские чтения в Тарту 2: Материалы международной научной конференции 18-20 сентября 1998 г. Тарту. С. 331-343.

Резюме

Творчество одного из самых занимательных в свое время писателей – С.Минцлова на сегодняшний день оказалось вне поля зрения базового литературоведения. Данная статья – одна из возможностей осветить как литературные «пристрастия» автора (создающие предпосылки к восприятию творчества писателя в целом), так и основные тенденции развития литературы эмиграции в период 20-30-ых гг. Тема усадьбы в эмиграционном творчестве С.Минцлова доминирует, так как напрямую соотносится с темой дореволюционной, «прежней» России. Обращение к циклу рассказов С.Минцлова «Мистические вечера» обнаруживает значимость для писателя и другой темы – мистической. Мистика С.Минцлова гармонично вливается в общую струю «настроений» периода 20-30-ых гг.